

Кулиш П. А.

**Записки о жизни Николая Васильевича
Гоголя**

Том 2

УДК 93
ББК 63.3
К90

К90 **Кулиш П. А.**
Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя: Том 2 / Кулиш П. А. – М.: Книга по Требованию, 2021. – 316 с.

ISBN 978-5-518-00635-5

ISBN 978-5-518-00635-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ

Николая Васильевича Гоголя.

XX.

Воспоминаніе А.О.С—ой о жизни Гоголя въ Римѣ и въ Ниццѣ.—Переписка съ С. Т. Аксаковымъ и съ Н. Н. Ш***

Осенью 1842 года А.О.С—ва поѣхала въ Италію и ост-
вилась, въ ноябрѣ, во Флоренціи. Неожиданно получила она отъ
Гоголя письмо, въ которомъ онъ писалъ, что его удерживаютъ въ
Римѣ больной Языковъ, и просилъ ее пріѣхать въ Римъ. »Увидѣтъ
васъ (заключилъ онъ) у меня душевная потребность«. Черезъ нѣ-
сколько времени она получила отъ него другое письмо, которое окан-
чивалось такъ: »Упросите себя ускорить пріѣздъ свой: увидите, какъ
этимъ себя самихъ обяжете«.

Въ концѣ декабря братъ г-жи С—ой, А.О.Р***, поѣхалъ въ
Римъ, для пріисканія ей тамъ жилья, а въ концѣ генваря 1843 года
она отправилась туда сама и пріѣхала на Piazza Troiana, въ Palazzetto
Valentini. Верхній этажъ былъ освѣщенъ. На лѣстницу выбѣжала
Гоголь, съ протянутыми руками и съ лицомъ, сіяющимъ радостью.

— Все готово! сказалъ онъ. — Обѣдъ васъ ожидаетъ, и мы съ А.О. (имя брата г-жи С—ой) уже распорядились. Квартиру эту я нашель. Воздухъ будетъ хорошъ; Корсо подъ рукою, а что́ всего лучше—вы близко отъ Колизея и Фога Воагіо.

Поговоривъ немного, онъ отправился домой, съ обѣщаніемъ придти на другой день. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ пришелъ въ часъ, спросилъ карандашъ и лоскутокъ бумаги и началъ писать:

»Куда слѣдуетъ А.О. навѣдываться между дѣломъ и бездѣльемъ, между визитами, и проч. и проч.«

Въ этотъ день Гоголь былъ съ г-жей С—ой во многихъ мѣстахъ и кончилъ обзоръ Рима церковью св. Петра. Онъ возилъ съ собою бумажку и вездѣ что-нибудь отмѣчалъ; наконецъ написалъ:

»Петромъ осталась А.О. довольна«.

Такія прогулки продолжались ежедневно въ теченіе недѣли, и Гоголь направлялъ ихъ такъ, что онѣ кончались всякой разъ Петромъ.

— Это такъ слѣдуетъ, говоритъ онъ: — на Петра никакъ не наглядисься, хотя фасадъ у него и комодомъ.

Однажды онъ повезъ г-жу С—ву и ея брата въ San Pietro in Vinculi, гдѣ стоитъ статуя Моисея, работы Микель-Анджело. Онъ просилъ своихъ спутниковъ идти за собою и не смотрѣть въ правую сторону; потомъ привелъ ихъ къ одной колоннѣ и вдругъ велѣлъ обернуться. Они ахнули отъ удивленія и восторга, увидѣвъ передъ собой сидящаго Моисея, съ длинной бородой.

— Вотъ вамъ и Микель-Анджело! сказалъ Гоголь.—Каковъ?

Самъ онъ такъ радовался восторгу спутниковъ, какъ будто онъ слѣлалъ эту статую. »Вообще (говоритъ А.О.С—ва) онъ хвасталъ передъ нами Римомъ такъ, какъ будто это его открытіе«.

Въ особенности онъ заглядывался на древнія статуи и на Рафаеля. Однажды, когда его спутница не столько восхищалась, сколько бы онъ желалъ, Рафаелевой Психеею въ Форнезинѣ, онъ очень серьезно на нее разсердился. Для него Рафаель-архитекторъ былъ столь же великъ, какъ и Рафаель-живописецъ, и, чтобъ доказать это, онъ возилъ своихъ гостей на виллу Madama, построенную по рисункамъ Рафаеля. А.О.С—ва всходила съ Гоголемъ на Петра, и когда сказала ему, что ни за что́ не рѣшилась бы идти по внутреннему

карнизу церкви (который такъ широкъ, что по немъ могла бы проѣхать карета въ четыре лошади), онъ отвѣчалъ:

— Теперь и я не рѣшился бы, потому что нервы у меня разстроены; но прежде я по цѣлымъ часамъ лежалъ на этомъ карнизѣ, и верхній слой Петра мнѣ такъ навѣстенъ, какъ едва ли кому другому. Когда взглядишься въ Петра и въ пропорціи его частей, нельзя надивиться довольно генію Микель-Анджело.

Гоголь ѣздилъ съ А.О.С—ой и въ Альбано. Тамъ онъ сначала казался очень веселъ, потомъ вдругъ почувствовалъ скуку и томленіе. Вечеромъ всѣ спутники Гоголя собрались вмѣстѣ, и одинъ изъ нихъ началъ читать *Lettres d'un Voyageur, par George Sand*. Гоголь былъ необыкновенно тревоженъ, ломалъ руки, не говоря ни слова, когда другіе восхищались нѣкоторыми мѣстами, и смотрѣлъ какъ-то пасмурно; наконецъ ушелъ къ себѣ. Все небольшое общество его спутниковъ ночевало въ Альбано. На другой день, когда А.О.С—ова спрашивала, зачѣмъ онъ ушелъ, онъ сказалъ:

— Любите ли вы скрипку?

— Да, отвѣчали ему.

— А любите ли вы, когда на скрипкѣ фальшиво играютъ?

— Да что же это значить?

— Такъ ваша Жоржъ Зандъ видитъ и изображаетъ природу. Я не могъ видѣть, какъ вы ею восхищаетесь. Я удивляюсь, какъ вамъ вообще нравится все это расстрепанное.

Въ тонѣ, которымъ онъ говорилъ эти слова, выразилось искреннее сожалѣніе, что люди ему близкіе могутъ восхищаться подобными произведеніями. Во весь тотъ день онъ былъ пасмуренъ и казался озабоченнымъ. Онъ условился провести въ Альбано вмѣстѣ съ г-жею С—ой и ея спутниками трое сутокъ; но, возвратясь вечеромъ изъ гулянья, она съ удивленіемъ узнала, что онъ уѣхалъ въ Римъ. Въ оправданіе этого страшнаго поступка онъ приводилъ потомъ такія причины, которыя показывали, что онъ желалъ только отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Во время прогулокъ по Риму, его особенно забавляли ослы, на которыхъ онъ ѣхалъ съ оводи спутниками. Онъ находилъ ихъ очень умными и пріятными животными и увѣрялъ, что они ни на

какомъ языкѣ не называются такъ пріятно, какъ на итальянскомъ (i ciuesi). Послѣ ословъ его занимали растенія, которыхъ обращеніи онъ срывалъ и привозилъ домой. Подъ весну, когда уже въ полѣ сдѣлалось веселѣе, онъ выѣзжалъ для прогулокъ въ Кампанію. Особенно любилъ онъ Ponte Numentano и Aqua Accittosa. Тамъ онъ ложился на спинѣ и не говорилъ ни слова. Когда его спрашивали, отчего онъ молчитъ, онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ говорить? тутъ надобно дышать, дышать, втягивать носомъ этотъ живительный воздухъ и благодарить Бога, что столько прекраснаго на свѣтѣ.

На страстной недѣлѣ Гоголь говѣлъ, и тутъ А.О.С—ва замѣтила уже его религіозное расположеніе. Онъ становился обыкновенно поотдалъ отъ другихъ и до такой степени бывалъ погруженъ въ молитву, что, казалось, не замѣчалъ никого вокругъ себя.

А.О.С—ва уѣхала изъ Рима въ маѣ и до іюля не имѣла никакого извѣстія о Гоголѣ; наконецъ узнала, что онъ въ Эмсѣ у Жуковскаго, къ которому она намѣревалась ѣхать. Пріѣхавъ туда изъ Бадена, она узнала, что Гоголь выѣхалъ въ Баденъ къ ней навстрѣчу, и скоро получила отъ него шутивое письмо, которое начиналось такъ:

»Каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ. Кашу безъ масла всё-таки можно какъ-нибудь ѣсть, хоть на голодные зубы, а Баденъ безъ васъ просто не идетъ въ горло«.

Проведя въ Эмсѣ три дня, она выѣхала въ Баденъ и нашла тамъ Гоголя. Онъ почти всякой день у нея обѣдалъ, исключая тѣхъ дней, когда онъ говорилъ:

— Пойду полюбоваться, что тамъ Русскіе дѣлаютъ за табльдотомъ.

Онъ ходилъ въ гостиницы и другія публичныя мѣста, какъ ходятъ въ кунсткамеру. Не будучи почти ни съ кѣмъ знакомъ, Гоголь зналъ почти все отношенія между пріѣзжими и угадывалъ многое очень вѣрно. Всякій день послѣ обѣда онъ читалъ г-жѣ См—ой »Иліаду«, въ переводѣ Гнѣдича, и когда она говорила, что эта книга ей надоѣдаетъ, онъ оскорблялся, сердился и писалъ къ Жуковскому, что А.О. »и на Иліаду топаетъ ногами«. Въ это время онъ ужъ былъ очень извѣстенъ русской заграничной публикѣ по своимъ сочи-

неніямъ, и князь Д^{***} просилъ А.О.С—ву показать ему автора «Мертвыхъ душъ». Гоголь уже простился тогда съ нею и долженъ былъ черезъ минуту проѣхать мимо въ дилижансѣ. Но сколько она ни звала его, чтобъ обернулся къ ней, Гоголь, замѣтивши, видно, съ нею князя, сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и такимъ образомъ проѣхалъ мимо нея и уѣхалъ во Франкфуртъ къ Жуковскому.

Она не условилась съ нимъ, гдѣ имъ увидѣться въ будущую зиму, и просила его письменно пріѣхать въ Ниццу. Онъ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ, что слишкомъ привязывается къ семейству графа С^{***} и къ ней, а ему не слѣдуетъ этого дѣлать, чтобъ не связывать своихъ дѣйствій никакими узами. Живя въ Ниццѣ, А.О.С—ва долго не получала отъ него писемъ, какъ однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, возвратясь изъ прогулки, нашла въ своей квартирѣ Гоголя.

— Вотъ видите, сказалъ онъ, — вотъ и я теперь съ вами, и поселился очень близко къ вамъ. Я распорядюсь такъ, что буду дѣлать свое время между вами и В—ми.

Квартира его, однакожъ, оказалась неудобною, и онъ переехалъ къ В—мъ, въ домъ г-жи Пароди.

Въ Ниццѣ Гоголь также почти ежедневно обѣдалъ у А.О.С—ой, но ужъ не читалъ больше послѣ обѣда «Иліады», а вытаскивалъ вмѣсто нея изъ кармана толстую тетрадь выписокъ изъ Святыхъ Отцовъ. Иногда онъ читалъ сочиненія Марка-Аврелія и съ умиленіемъ говорилъ:

— Божусь Богомъ, что ему недостаетъ только быть христіаниномъ!

О своихъ обстоятельствахъ онъ говорилъ очень мало; но такъ какъ было извѣстно, что его способы существованія очень скудны, то его собесѣдница желала хотя шуткой выпытать, что у него есть. Одинъ разъ она начала его экзаминовать, сколько у него бѣлья и платья, и старалась отгадать, чего у него больше.

— Я вижу, что вы просто совсѣмъ не умѣете отгадывать, отвѣчалъ онъ. — Я большой франтъ на галстуки и жилеты. У меня три галстука: одинъ парадный, другой повседневный, а третій дорожный, потеплѣе.

Изъ распросовъ оказалось, что у него было только необходимое для того, чтобъ быть чистымъ.

— Это мнѣ такъ слѣдуетъ, говорилъ онъ. — Всѣмъ такъ слѣдуетъ, и вы будете жить, какъ я, и, можетъ быть, я увижу то время.

когда у васъ будетъ только двѣ пары платья: одно для праздниковъ, другое для будней. А лишняя мебель и всякіе комфорты въ комнатахъ вамъ такъ надоѣдаютъ, что вы сами понемногу станете избавляться отъ нихъ. Я вижу, что это время придетъ для васъ. Вотъ я зашѣтилъ, что у меня въ чемоданѣ завелась ненужная вещь; я вамъ ее подарю.

И на другой день принесъ А.О.С.—ой рисунокъ Иванова.

Въ то время на нее иногда находила непонятная тоска. Гоголь списалъ собственноручно четырнадцать псалмовъ и заставлялъ ее учить ихъ наизусть. Послѣ обѣда онъ спрашивалъ у нея урокъ, какъ спрашиваютъ у дѣтей, и лишь только она хоть немножко запиналась на словѣ, онъ говорилъ: »Не твердо!« и отсрочивалъ урокъ до другого дня.

Все утро онъ обыкновенно работалъ у себя въ комнатахъ и только въ три часа выходилъ гулять, или одинъ, или съ графомъ М. М. В***. Г-жа С—ва часто встрѣчала его на берегу моря. Если его внезапно поражало какое-нибудь освѣщеніе на утесахъ или на зелени, онъ не говорилъ ни слова, а только останавливался, указывалъ и улыбался. Въ Ниццѣ онъ былъ по большей части очень веселъ, представлялъ своимъ гимназическимъ учителямъ, рассказывалъ анекдоты и между прочимъ прочиталъ своему небольшому обществу »Тараса Бульбу«. Здоровье его, однакожъ, не было въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ рассказывалъ, что, ѣдучи въ Ниццу, заболѣлъ въ Марсели ночью такъ ужасно, что не надѣялся дожить до утра и съ покорностью ожидалъ смерти. Онъ чувствовалъ, какъ смерть къ нему приближалась, и встрѣчалъ ее молитвами. Утромъ онъ чувствовалъ большую слабость, однакожъ съѣлъ въ дилижансѣ и пріѣхалъ въ Ниццу.

Весною 1844 года А.О.С—ва уѣхала говѣть въ Парижъ, а Гоголь въ Штутгартъ, но вмѣсто Штутгарта попалъ въ Дармштадтъ. Въ іюнѣ она пріѣхала во Франкфуртъ и нашла Гоголя въ Hôtel de Russie. Она провела тамъ двѣ недѣли, видаясь каждый день съ Гоголемъ и Жуковскимъ. Гоголь былъ беззаботно веселъ и не жаловался на свое здоровье.

Въ томъ же году она возвратилась въ Россію и вела съ Гоголемъ дѣятельную переписку, о которой мнѣ извѣстно только, что она была нравственно-религіознаго содержанія.

Слѣдующія письма Гоголя могутъ служить продолженіемъ переданнаго мною разсказа А.О.С—ой.

Къ С. Т. Аксакову.

»1844 г. Ницца. Февраля 10, 30 генв.

»Я очень поздно отвѣчаю на письмо ваше, милый другъ мой. Причин(ою) этого было отчасти физическое болѣзненное расположеніе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положеніи, съ которымъ я боролся безпреставно, желая побѣдить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокоивала съ этой стороны увѣренность, что друзья мои, то есть тѣ, которые вѣрятъ душѣ моей, не припишутъ моего молчанія забвенію о нихъ. Все, что ни разсудили вы на счетъ моего письма къ N* N* я нахожу совершенно благоразумнымъ, такъ же какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ тому относящіяся. Одно мнѣ было только грустно читать, это то, что ваше собственное душевное расположеніе не спокойно и тревожно. Я придумывалъ всѣ средства, какія могли только внушить мнѣ небольшое познаніе и нѣкоторые внутренніе душевные опыты — — «

Къ Н. Н. Ш***.

»Ницца. Марта, 1844.

»Хотя до праздника Воскресенья Христова остается еще три съ половиною недѣли, но я заранѣ васъ поздравляю, добрый и почтенный другъ мой Надежда Николаевна. На дняхъ я ѣду отсюда въ Штутгартъ, съ тѣмъ чтобъ тамъ въ русской церкви нашей говѣть и встрѣтить Пасху. Вы можете быть увѣрены, что я буду молиться и за васъ, какъ, безъ сомнѣнія, вы будете молиться обо мнѣ, и что послѣ провозглашенія »Христось воскресе« пошлемъ взаимно другъ другу наши душевныя и братскія лобзанія. Я получилъ отъ васъ два письма съ того времени, какъ писалъ къ вамъ въ послѣдній разъ: одно назадъ тому мѣсяць [писанное вамъ отъ 20 генваря], другое гораздо прежде. Не сердитесь на меня за большіе промежут-

ки. Писать письма вообще мнѣ всегда было очень трудно; я это говорилъ впередъ всякому, съ кѣмъ только мнѣ предстояла продолжительная переписка. Теперь же писать мнѣ еще труднѣй, чѣмъ когда либо прежде, потому что всякій разъ возникаетъ въ душѣ вопросъ: будетъ ли отъ письма моего какая-нибудь существенная польза и что-нибудь спасительное для брата? не обратится ли оно въ болтовню или въ повтореніе того, что уже было сказано? Вамъ дѣло другое: вы имѣете болѣе времени, и притомъ вы можете болѣе сказать полезнаго. А мнѣ иногда дорогá всякая минута, мнѣ слишкомъ еще много предстоитъ узнать и научиться самому, для того, чтобы сказать потомъ что-нибудь полезное другому. Не забывайте, что кромѣ того мнѣ иногда предстоитъ страшная переписка и отвѣчать приходится на всѣ стороны, и почти всегда такими письмами, которыя требуютъ долгаго обдуманія. И потому я уже давно положилъ писать только въ случаѣ самой сильной душевной нужды. Все это я считаю нужнымъ сказать вамъ, потому что вы уже, какъ мнѣ показалось изъ письма вашего, начали было приписывать другую причину моему рѣдкописанію. Прежде я бы на васъ посердился за такое обо мнѣ заключеніе, какъ сердился нѣкогда на друзей моихъ, толковавшихъ во мнѣ иное превратно. Но теперь не сержусь ни на что и скажу вамъ вмѣсто того вотъ что: друзьямъ моимъ случалось перемѣнять обо мнѣ мнѣніе, но мнѣ еще ни разу не случилось перемѣнить мнѣніе ни объ одномъ близкомъ мнѣ человѣкѣ. Меня не смутятъ не только какіе-нибудь слухи и толки, но даже, еслибы самъ человѣкъ, уже извѣстный мнѣ по душѣ своей, сталъ бы клеветать на себя, я бы и этому не повѣрилъ, ибо я *умлю върить душу чловька*. Отсюда перейдемъ весьма кстати къ толкамъ обо мнѣ. Сказавши вамъ въ письмѣ, что нѣкоторые толки дошли до меня, я, признаюсь, разумѣю толки, возникшіе вслѣдствіе литературныхъ отношеній и нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ еще въ пребываніе мое въ Москвѣ. Но какіе могутъ (быть) обо мнѣ теперь толки такого рода, которые могли бы опечалить друзей моихъ — этого я не могу понять. Вы говорите, что васъ смущалъ одинъ слухъ, и не сказываете даже, какой слухъ. Какъ же я могу и оправдаться, еслибы захотѣлъ, когда даже не знаю, въ чемъ

меня обвиняютъ? Зачѣмъ вы, почтенный другъ, употребляете такую загадочность со мною? Неужели опасаетесь тронуть во мнѣ какую либо щекотливую или чувствительную струну? Но на эту-то именно струну и слѣдуетъ нападать. Я почиталъ, что вы хотя въ этомъ отношеніи знаете меня лучше. Вы разсудите сами: стремлюсь я къ тому, къ чему и вы стремитесь и къ чему всякой изъ насъ долженъ стремиться, именно: *быть лучше, чѣмъ есть*. Какъ же вы скрываете и не говорите, когда, можетъ быть, во мнѣ есть дурное съ такой стороны, съ какой я еще и не подозрѣвалъ? Сами знаете также, что съ тѣмъ, который хочетъ быть лучше, не слѣдуетъ употреблять никакой осторожности. Еслибы вы, вмѣсто того, чтобы напрасно смущаться въ душѣ вашей, написали бы просто: »Вотъ какой слухъ до меня дошелъ; нужно ли ему вѣрить?« я бы вамъ тогда прямо, какъ самому Богу, сказалъ бы, правда ли это, или нѣтъ. И такъ впередъ поступайте со мной справедливѣй и притомъ достойнѣй и васъ, и меня. Еще одно слово скажу вамъ о вашихъ письмахъ. Какъ они ни пріятны были мнѣ всегда, но когда я соображался, что вамъ стояла почта, то я желалъ, чтобъ они были рѣже, и отчасти въ этомъ смыслѣ сказалъ вамъ, что, по причинѣ частыхъ разъѣздовъ, переписка частая бываетъ невозможна. Я очень хорошо знаю, что вы помогаете многимъ бѣднымъ, и что у васъ всякая копѣйка пристроена. Зачѣмъ же вы не хотите быть экономны и не поступаете такъ, какъ я васъ просилъ? то есть, отдавайте половину писемъ Аксакову и Языкову. Они мнѣ пишутъ очень мало, иногда я просто получаю одинъ пустой пакетъ; стало быть они и за свое, и за ваше письмо заплатятъ то же самое, что за одно свое.

»Вотъ вамъ все, почтенный другъ мой, что хотѣлъ сказать вамъ. Благодарю васъ за присланную въ письмѣ выписочку, но еще болѣе благодарю, что вы обѣщаетесь послать съ Бабарыкиными молитвы св. Дм. Ростовскаго. Душѣ моей нужнѣй теперь то, что писано Святителями нашей Церкви, чѣмъ то, что можно читать на французскомъ языкѣ. Это я уже испыталъ. Пишите проще какъ можно и называйте всякую вещь своимъ именемъ безъ обиняковъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ,—иначе я не пойму вашего письма.«

Къ ней же (1844).

»Благодарю васъ за письмо и въ немъ особенно за желаніе , чтобъ Богъ благословилъ трудъ мой на пользу ближняго. Ничего бы такъ не хотѣлось, какъ этого. О , еслибы Богъ , не глядя на мерзость и недостойнство мое, но, виявъ единственно молитвамъ добрыхъ душъ, обо мнѣ молящихся , удостоилъ бы меня счастья этого и не отлучался бы отъ меня во все время моей жизни, не смотря на всю мою низость и неблагодарность!«

Къ ней же.

»Благодарю васъ, добрый, великодушный другъ мой Надежда Николаевна, за ваши письма. Я ихъ часто перечитываю. Въ мои болѣзненные минуты , въ минуты , когда падаетъ духъ мой, я всегда нахожу въ нихъ утѣшеніе и благодарю всякую минуту руку Промысла за встрѣчу мою съ вами. Не забывайте же меня, молитесь обо мнѣ, пишите ко мнѣ. Еще одна душевная просьба. Ваша жизнь такъ прекрасна, она отдана вся благодѣяніямъ, вы бываете часто свидѣтелемъ многихъ прекрасныхъ движеній чловѣка: извѣщайте же меня обо всѣхъ христіанскихъ подвигахъ, высокихъ душевныхъ подвигахъ, къмъ бы они ни были произведены. Разказъ о прекрасныхъ движеніяхъ нашего ближняго и брата вливаетъ всегда чудную силу и бодрость въ нашу душу и стремится ее новою освѣженною молитвою къ Богу.«

Къ С. Т. Аксакову (¹).

»16 мая (1844). Франкфуртъ.

»Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцаловалъ, а потомъ засмѣялся. — — —

»Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего,

---

(¹) Въ этомъ письмѣ Гоголь старался быть шутивымъ, съ цѣлю разсвѣтъ грустное расположеніе души своего друга.